

Как стража родины своей
Грузина вижу; в тьму ночей
Глядит он, и, врагов узрев,
Кричит соратникам он: «Бей».

Вот эта песнь, свирель моя,
Меня отрадою поя,
Мне не сумела б докучать,
Внимать готов ей вечно я.

Ты по-грузински говоришь,
Грузинам сердце веселишь,
И нравы предков и дела
Припоминает наша тишь.

Но вот, свирель моя, мой свет,
Пусть ласки полон твой привет,
Служи уж лучше пастуху,
У нас тебе не внемлют, нет.

*1871, март
Петербург*

Акакий Церетели
в расцвете своей творческой деятельности

Вьются тревожные, черные думы,
Вспугнуты зовом, немолчно звучащим,
И разрастается сумрак угрюмый —
Прошлое, слившееся с настоящим.

Все же я верю грядущему чуду —
Месяца жду и звезды высокой!
Пусть обманусь, но согнут не буду,
Гордо сойду в могилу до срока!

1872, 15 октября
Село Квашихони

Акакий Церетели в зрелые годы

ОТВЕТ СЕРДЦА

В слезе я желчь растирал —
И ею писал, как чернилами.
Отравлен уксусом мед,
Как память — разлукой с милыми.

Но — горек иль сладок вкус —
Могу ль считаться виновником?
Все та же песнь соловья
Над розой и над терновником.

1892, 12 декабря

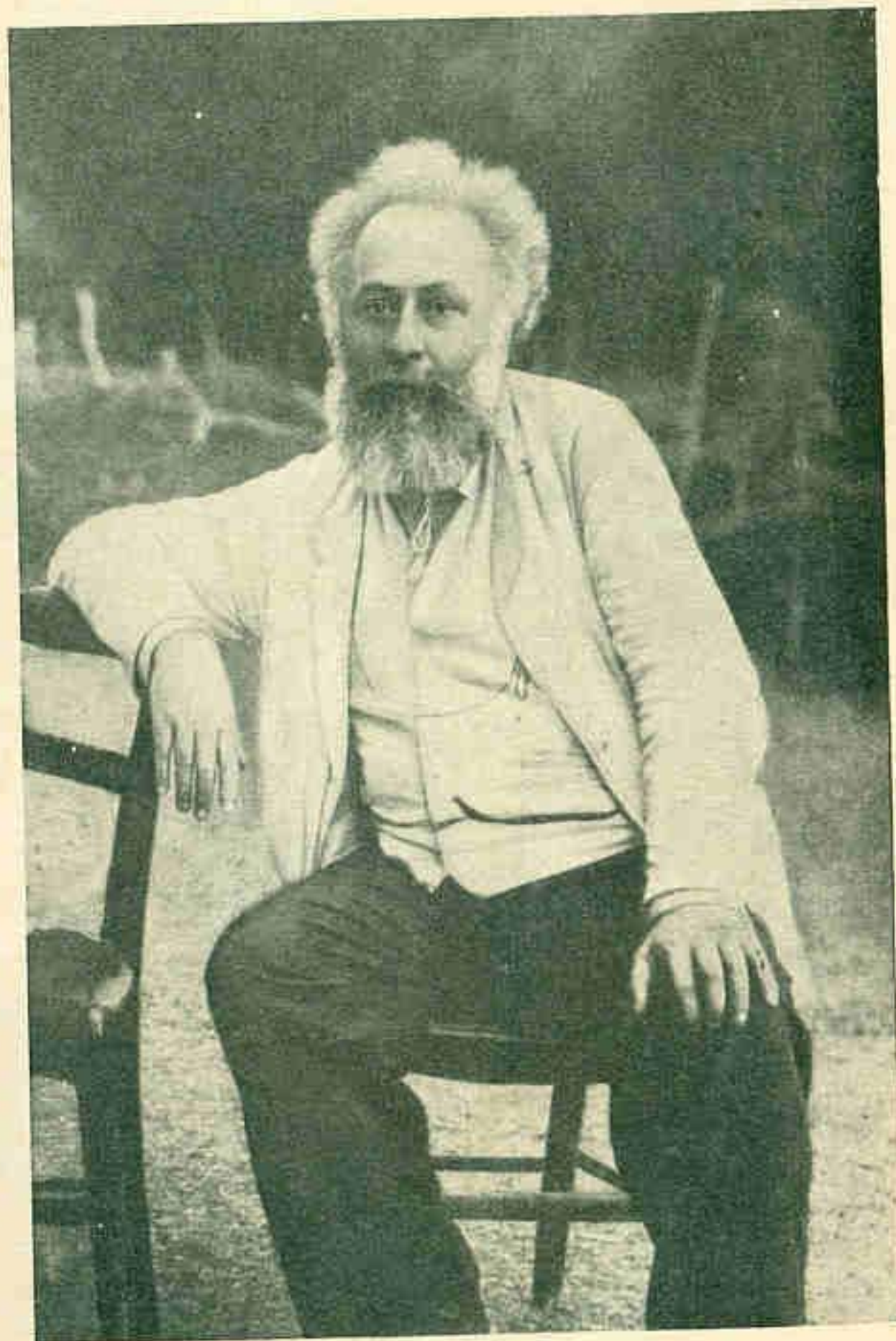
Позднее
103
В слезе я желчь растирал,
И ею писал, как чернилами.
Отравлен уксусом мед,
Как память — разлукой с милыми.
Но — горек иль сладок вкус,
Могу ль считаться виновником?
Все та же песнь соловья
Над розой и над терновником.
1892, 12 декабря

Автограф стихотворения «Позднее»
(уменьшено)

Внемля воле безотказной,
Завтра пусть придет в совет».
И слова промолвив эти,
Царь закончил торжество,
Быть на завтрашнем совете
Повелев гостям его.

2

Вот и ночь промчалась мимо.
Собрался на суд народ.
Медленно, невозмутимо
Вышел Торнике вперед.
Подчинился он без спора
Вызову и ждать готов
Обвиненья, приговора,
Как бы ни был тот суров.
Все исполнены вниманьем.
Обвинитель — царь. Вот он
Встал, склонился пред собраньем,
Древний соблюдя закон.
Скорбь в лице его, укор ли?
Ждет, на Торнике смотря.
И слова застыли в горле
У могучего царя.
После начал речь. И слышен
Каждый звук. Вокруг мертво.
И задумчив, неподвижен,
Слушал Торнике его.
Царь промолвил: «Во вселенной
Все непрочно. Нас дразня
Пестротою переменной,
Мир — ловушка, западня.
Друг вчерашний — недруг ныне,
Прежний враг — сегодня друг.
Радуеться, но кручине
Завтра предадимся вдруг.
Как соломка в бурной пене
Все, чем в мире ни владей.
Все мы — горестные тени,
Немощен удел людей.

Акакий Церетели в деревне

Цотне глядит на супругу
В необычайном волнении,
И по народному кругу
Вихрем прошло изумление.

Странной охваченный дрожью,
Всем облик женщины чуден.
Окаменели вельможи,
И онемел простолюдин.

Не получая ответа,
Произнесла она снова:
«Ты мне простишь, ибо это
Женщиной сказано слово».

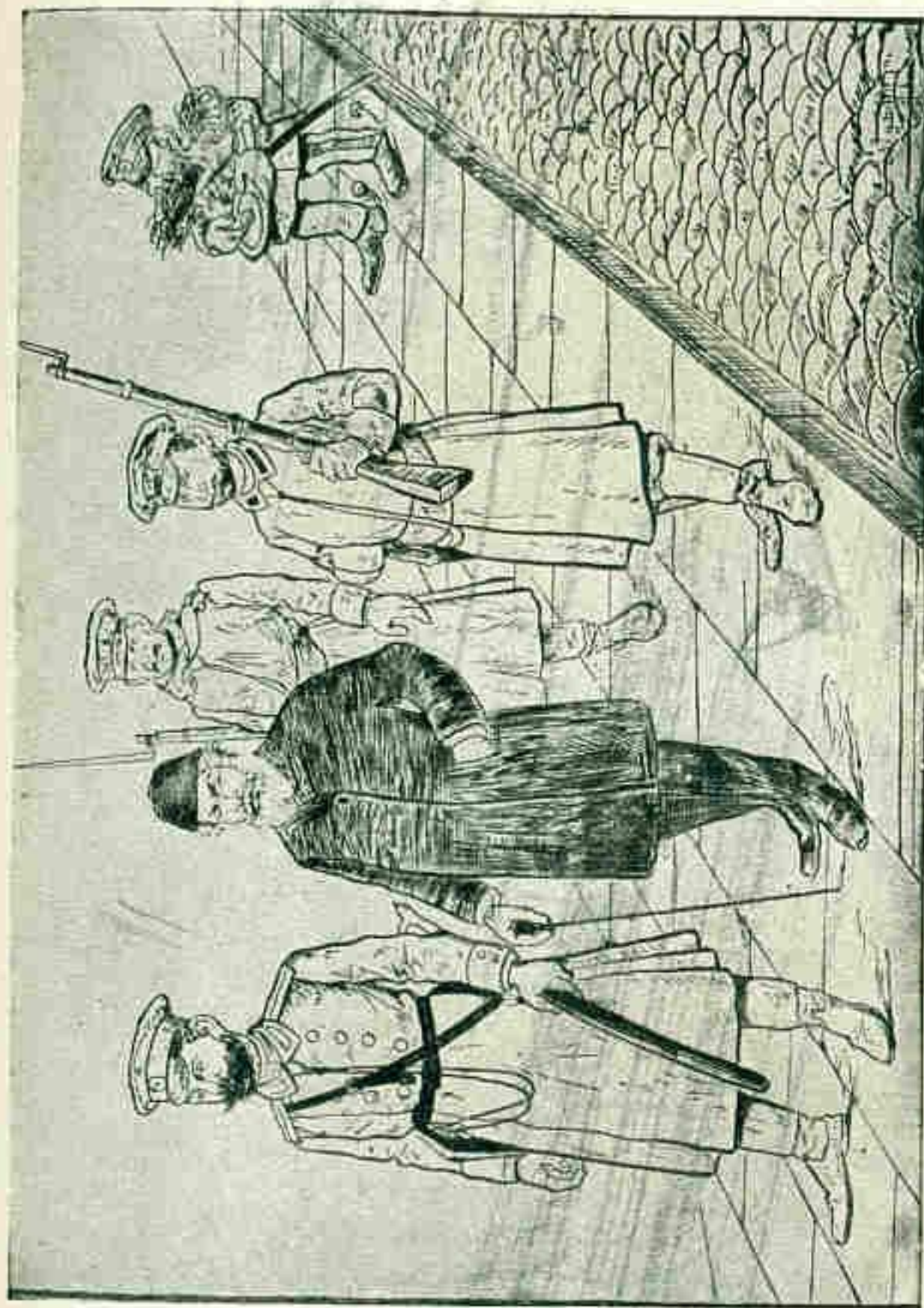
Речь взволновала глубоко
Ошеломленного мужа,
И отвечал он, до срока
Тайну души обнаруживая:

«Славься, княгиня-супруга!
Всех превзойдя красотой,
Мудрая, знатного круга,
Ты и грузинка душой!»

Мною издавна, княгиня,
Те же владели печали.
Но из опаски доньне
Мы о восстании молчали.

Начала заговор чести
Смелая знать Амеретьи,
Знают вельможи, что вместе
С ними готов умереть я.

Помощи просят вельможи,
Чтоб обеспечить победу,
Через неделю — не позже —
Я в Джавахетию еду.

Арест Акакия Церетели в 1907 году (газетная карикатура)